

С

тановление и явление своему зрителю Николая Третьякова как художника пришлось в то время, когда в наших выставочных залах царила определенная художественная константа, всем известная и всенародно признанная. Чтобы пробить брешь в этой незыблемой величине, новому автору нужно было обладать поистине неоспоримыми художественными и личностными достоинствами. Именно этими своими качествами Н.Третьяков сумел снискать не только зрительские симпатии, но и признание профессионального сообщества.

Творческий старт Николая Третьякова в начале 2000-х годов был совершенно внезапен и подобен некоему прорыву. Характерный факт: никаких так называемых «ученических работ» у Н. Третьякова не было. В выставочных экспозициях его сразу стали воспринимать наравне с уже известными художниками и как сложившегося мастера абсолютно законченного живописного натурного этюда, ставшего одним из любимых видов творчества Третьякова. Свои холсты и картоны, исполненные под большим небом, сам художник никогда не отождествлял с подготовительными штудиями, предваряющими некую картину, еще ранее задуманную

для завершения в мастерской. К этюду он всегда подходит не как к предварительному наброску, а как к создаваемому на пленэре самостоятельному жанру — произведению, совершенному по живописному мастерству и законченности, то есть — обобщенности второстепенных реалий и эмоциональных впечатлений. Живопись для него — это моментальная фиксация мгновения, не оставляющая времени для излишней натуралистической детализации.

Присущий сегодня Третьякову его индивидуальный творческий метод формировался на протяжении всей его жизни. Будучи уроженцем села Третьяки Борисоглебского района Воронежской области, он с детства был вдумчивым учеником окружавшей его природы, у которой брал уроки в передаче гармонии цветовых отношений. Упражнял руку в рисунке, иллюстрируя передаваемые из рода в род притчи отца и деда, копировал журнальные репродукции из популярнейшего тогда журнала «Огонек». По тем далеким теперь от нас временам очень многие будущие художники именно таким образом приобретали первоначальные художественные навыки, совершенствуя свое природное дарование. Третьякову, несомненно, суждено было родиться художником, но как-то нужно было и ограничить неис-

Открытие персональной выставки Н.И. Третьякова в Воронеже. 16 января 2017 года

ланный свыше алмаз таланта в присущей ему теперь формы.

Учился Третьяков, как сказали бы прежде, «у мастеров», с которыми вместе работал на Академических дачах, многочисленных ежегодных Воронежских пленэрах. Среди них были и академики Российской академии художеств (Р.И. Лебедева, А.П. Левитин, О.М. Савостюк), и ведущие воронежские художники (А.В. Богачев, А.П. Давыдов, В.К. Знатков, В.Т. Лосев, Е.Д. Щеглов). Под обаянием их творчества Третьяков невольно синтезировал в своей творческой манере лучшие черты, свойственные отечественной пейзажной живописи вообще и воронежской живописной традиции в частности. Поэтому в галерее его работ явно обозначаются грани преемственности и традиционных художественных норм, устанавливающихся между художниками разных поколений. Как автор он никогда из них не стремился «продолжать» или «улучшать» на свой лад, ибо в каждом умел увидеть то, что было созвучно ему самому. Еще точнее — видел то, что было в нем самом. Все его мировоззре-

ние как художника лежит именно в этой перспективе.

Характерно, что в своем этюде (пейзаж, интерьер, натюрморт) Третьяков широко разворачивает всю картину человека, живущего на природе, с которой он взаимосвязан. Многим его пейзажным этюдам, такого ряда как «Утро туманное» (2012), «Околица» (2013), «Осенние березы» (2015), «Ранней весной» или «Вид из окна» (обе — 2016) свойственны черты эпичности крупноформатного полотна, а их содержание — мысль о неистребимой сущности природы и ее непомерной вечности на фоне быстро сменяющихся мгновений, переживающих их людей. Поэтому каждая работа художника зачастую подобна самой емкой метафоре человеческого бытия. То же самое можно продолжить и о жанре крестьянского интерьера, и о натюрморте Третьякова в таких работах, как, скажем, «Печка» (2013), «В старом доме», «Натюрморт с топором», «Дедов самовар», «Колеса у амбара» (все — 2016). Написаны они и с «хваткой материальностью», и с пронизывающим его живопись волнением

духа — ведь пишет художник не просто предметы, а некогда неотъемлемую от жизни каждого подворья бытовую среду, которая уже давно постепенно уходит из привычного деревенского обихода. Здесь и его ностальгия, и душевное тепло воспоминаний о селе, немыслимом без колодца, плетеной изгороди, телеги во дворе, стога сена, и — память о добрых людях, веками создававших и подерживавших этот аскетичный и жизненно необходимый уклад. Художник всегда помнит о них, об их судьбах. В каких бы краях он ни работал, даже и незримо они присутствуют в его натуральных мотивах и в самой живописной пластике его холстов, будь они исполнены на творческих дачах или разнообразных по своей географии пленэрах. Любовь к родным просторам Третьяков передает своему зрителю в игре света и нюансов цвета меняющихся состояний в природе от рассвета до заката. Его пейзаж всегда образен, потому что обобщен волшебством воображения автора, офантазирован собственными воспоминаниями «из своей доброй памяти», как говорит сам художник. Любовно пишет он деревенские улочки, подворья односельчан, родные ландшафтные просторы, зачастую завораживая зрителя прохладным жемчужно-перламутровым колоритом: «Зазимок» (2006), «Сороки» (2011), «Вечер на Прорве», «Старое подворье» (обе — 2014). Но как бы замечает по контрасту и умеет решать и иные живописные задачи, передавая цветное многообразие оттенков первой

зелени, мягкую теплую палитру все еще разогретых дневным зноем сгущающихся сумерек: «Теплый вечер» (2005), «Май. Гуси» (2006), «Солнечный день. Огороды» (2014). Вообще палитра Третьякова может быть очень сдержанной и минималистичной, и богато разнообразной, — но всегда в едином тонально-цветовом созвучии.

В подавляющем большинстве, конечно, этюды Третьякова выполнены в живописных окрестностях родного села и посвящены именно милому сердцу отчему краю. В нем он познал цвет и запах луговых трав, запахи леса и морозную свежесть первого снега, застывшей в инее калины, и предчувствие своего рождения свыше. Предощущение себя самого как будущего художника... Художника чистого благодарного сердца и своей доброй памяти. Поэтому, если бы было возможно поставить к жизни и творчеству Третьякова некий изобразительный эпиграф, то в качестве такого символа я отдал бы предпочтение его «Рябиновому букету» (2015), олицетворяющему биение открытого человеческого сердца, с любовью обращенного к миру. Этот натюрморт, исполненный драматизма жизненных переживаний, их преодоления и жизнеутверждения, как нельзя лучше раскрывает суть жизни и творчества художника. Ведь как известно, в искусстве важно не столько «Что?» и «Как?», сколько «Кто?». То есть личность в своем устремлении гуманного преображения сущего.